

УДК 130.2+ 316.334.56+ 394.014
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-75-81

Марат Николаевич Чистанов,
Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова
(г. Абакан, Россия),
e-mail: maratchistanov@gmail.com

Этничность как самопрезентация: опыт применения методологии Ирвина Гоффмана к анализу этнических отношений в современной городской среде

Глобализационные процессы современности и связанная с ними тенденция к унификации жизненного уклада жителей разных стран и континентов теоретически должны были бы привести к размыванию этнических границ и преобладанию космополитического самосознания в нашем мире. На практике этническая идентификация и самоидентификация остаются одним из важнейших параметров, определяющих в глазах человека его собственную ценность и место, занимаемое им в жизни. Автор считает, что в постиндустриальном обществе этнические границы приобретают, скорее, ментальный характер. Для анализа этнических процессов им привлекается методология фреймов Ирвина Гоффмана. Внутриэтнические и межэтнические отношения в рамках такого подхода могут быть интерпретированы как специфические фреймированные взаимодействия. Потеря этнической самоидентификации становится для нас показателем потери важной части собственной личности, показателем того, что ты перестаёшь быть собой, указанием на собственную ничтожность. Но поскольку в условиях современной цивилизации уклад городской жизни, образование, профессиональная деятельность, домашнее хозяйство приобретают стандартизованные формы, то сфера реализации наших потребностей в этнической идентификации всё дальше уходит от этнографических оснований и всё больше приобретает характер исполнения некоторых сценариев, тоже, кстати, стандартных. Очевидно, что проще всего поддаются ритуализации, сценической интерпретации некоторые внешние, визуальные формы. Маркеры собственной этничности (язык, одежда, аксессуары, кухня, обрядность и др.) в нашем сознании идеализируются и абсолютизируются, становятся необходимыми элементами нашего собственного представления о себе. Поэтому любой человек, который покушается на эти сакральные сущности, происходит ли это в действительности, либо в нашем восприятии этой действительности, автоматически становится врагом или отступником. По мнению автора, выделение набора стандартных сценариев этнического поведения и их учёт в ходе социальных взаимодействий позволит объяснить и разрешить существующие этнические конфликты и минимизировать возможность их возникновения в будущем.

Ключевые слова: постиндустриальный урбанизм, этноурбанистика, этнокультурная идентичность, культурный ландшафт, «новая этничность», маркеры этничности

Marat N. Chistanov,
N. F. Katanov Khakass State University
(Abakan, Russia),
e-mail: maratchistanov@gmail.com

Ethnicity as Self-Presentation: Experience of Application of Erving Goffman's Methodology to Analysis of Ethnic Relations in Modern Urban Environment

The globalization processes of our time seem to lead to the erosion of ethnic boundaries and the prevalence of cosmopolitan identity. However, ethnic identification and self-identification remain one important parameter that determines the human being's own value and place in life. The author thinks that in post-industrial society ethnic boundaries are more of a mental nature. Erving Goffman's frame methodology is used to analyze ethnic processes. Intra-ethnic and inter-ethnic relationships within this approach are interpreted as specific frame interactions. The loss of ethnic identity becomes an indicator of the loss of an important part of our own personality, an indicator that we cease to be ourselves, an indication of own insignificance. But today the way of urban life, education, professional activities, and the household acquire standardized forms. Therefore, the realization of our needs for ethnic identification is further moving away from ethnographic grounds and is increasingly taking the form of the execution of some standard scenarios. Obviously, external, visual forms are the easiest to stage interpretation and ritualization. Visual markers of our own ethnicity (language, clothing, accessories, cuisine, etc.) in our minds are idealized and absolutized, they become necessary elements of self-identity. Any person, who attacks sacred entities in reality, or in perception of this reality, automatically becomes an enemy or renegade. According to the author, the identification of a set of standard scenarios of ethnic behavior and their integration into social interactions will explain and resolve existing ethnic conflicts and minimize the possibility of their occurrence in the future.

Keywords: post-industrial urbanism, ethnourbanistic, ethnocultural identity, cultural landscape, "new ethnicity", markers of ethnicity

© Чистанов М. Н., 2020

Введение. Весна этого года, богатая на драматические события, посадив людей по всему миру на карантин, сузила границы жизненного пространства до масштабов собственной квартиры, а главным окном в действительность сделала телевидение и интернет. Поэтому столь неприемлемый интеллигенцией в обычной жизни телевизионный контент вновь становится как самым востребованным, так и самым обсуждаемым информационным поводом. Поскольку с соседями и коллегами по работе в условиях самоизоляции поделить своим мнением и на этом успокоиться становится затруднительно, то весь спектр эмоций изливается на страницы социальных сетей, в посты, репосты и комментарии, то вспыхивая, то затихая, то опять разгораясь.

Одна из самых громких премьер этого года – экранизация романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза»¹, прошедшая на Первом канале в апреле 2020 г. Сразу оговоримся, мы ничего не будем говорить о литературных достоинствах и недостатках самого произведения и его экранизации, равно как и о степени соответствия исторической правде тех событий, которые составляют основное содержание повествования. Это не обозначает, что у автора отсутствует своё мнение на данный счёт, однако, поскольку мы не считаем себя достаточно квалифицированными специалистами в области литературы или истории, это мнение остаётся сугубо нашим частным мнением.

Гораздо большего внимания, на наш взгляд, заслуживает форма и содержание той дискуссии, которую породила первоначально публикация романа, но в ещё большей степени показ сериала, снятого по книге. Дело в том, что с точки зрения многих критиков сама публикация романа и его последующая экранизация стала преступной по отношению к татарскому народу, а автор романа Гузель Яхина и исполнительница главной роли Чулпан Хаматова объявлялись манкуртами, предателями своего народа и даже недостойными говорить от имени этого народа и о нём.

Собственно, в этом месте мы и должны зафиксировать свою проблему: что является для нас маркерами этнической принадлежности в современном мире, кто является носителем этнического самосознания и кто имеет право говорить от имени этнической группы и определять границы прав других людей в этой сфере? Очевидно, что проблема эта выходит далеко за границы какой-то конкретной этнической группы, да и вообще за границы собственно этнографии и этнологии.

¹ Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза: роман / предисл. Л. Улицкой; ред. Е. Шубиной. – М.: АСТ, 2015. – 508 с.

Методология и методы исследования. Для отечественной социальной науки сфера этнических исследований всегда была связана с применением комплекса специальных исторических методов, которые по преимуществу описывали жизнь различных этнических групп в аутентичных для них условиях: в географической изоляции, объединённых общим антропологическим типом, хозяйственным укладом и языком. Собственно, именно этим объясняется необыкновенная живучесть примордиалистской парадигмы на российской почве. Конечно, современные примордиалисты уже не измеряют лицевой угол деревянным циркулем, история прошлого века научила их сдерживать свои порывы. Любимым детищем современных примордиалистов становится язык, тот самый язык, который, как известно, «душа народа». С лёгкой руки В. фон Гумбольдта язык назначается главным ответственным за этничность. Отчасти здесь Гумбольдт реализует общую парадигму немецкого романтизма, тяготеющего к мистической таинственности, отчасти выполняет вполне конкретный политический заказ: в трактате «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» теоретически обосновывает необходимость объединения Германии на основе единственного объединяющего признака – немецкого языка.

Собственно, главным пунктом обвинения автора нашумевшего романа как раз и являлось то, что первоначальный вариант книги написан и опубликован на русском, а не на татарском языке, и поэтому он не может считаться отражением подлинного этнического самосознания. В принципе, само употребление в контексте дискуссии термина «подлинный» уже указывает на принадлежность критиков к примордиалистской парадигме и их апелляцию к неким высшим духовным инстанциям, назначившим их цензорами в борьбе за идеалы добра и красоты. Рациональным данный подход, безусловно, не является, поэтому оставляем его здесь для ценителей жанра, а сами попробуем поискать альтернативы.

Поскольку исследуемые нами проявления современного этнического сознания находятся далеко за географическими и историческими пределами этнографии, методики исследования должны носить, скорее, общесоциологический характер. Тем не менее, в них должны отражаться некоторые элементы, назовём их маркерами, традиционно увязываемые нами со сферой этнического поведения и взаимодействия как внутри конкретной этнической группы, так и на площадках межэтнического взаимодействия.

На наш взгляд, этнический фактор является необходимым элементом современного социального взаимодействия, особенно когда мы говорим о взаимодействии внутри мегаполиса. Здесь этническая идентификация и самоидентификация становятся одной из важнейших социальных ролей или фреймов, если пользоваться терминологией Ирвинга Гофмана [см.: 3; 4; 16]. Маркеры собственной этничности (язык, одежда, аксессуары, кухня, обрядность и т. д.) в нашем сознании идеализируются и абсолютизируются, становятся необходимыми элементами нашего собственного представления о себе. Поэтому любой человек, который покушается на эти сакральные сущности, происходит ли это в действительности, либо в нашем восприятии этой действительности, автоматически становится врагом. Причём врагом он становится не нашим личным, это было бы нашим частным делом, но он объявляется врагом социальной группы, с которой мы себя отождествляем, поэтому борьба, которую мы с ним ведём, становится священной войной, "Holy War" [11].

Некоторая театральность такого действия лишь подчёркивается используемыми Гофманом терминами: «передний и задний план», «исполнение», «реквизит», «вера в исполняемую партию», «выход из роли». Поскольку такого рода социальное взаимодействие всегда требует некоторой сцены, то современная этничность выходит за границы городских квартир и обнаруживается в некоторых публичных пространствах: пешеходных улицах и скверах, рынках, культовых учреждениях, кафе и ресторанах, а теперь ещё и на просторах интернета.

Очевидно, что данная методология позволяет рационализировать не только проявления «новой этничности», но и практически любой из видов актуального социального взаимодействия, но в контексте исследований этнических процессов в городе. Важно, что этнические общественные движения и часто возникающие в этой сфере конфликты при таком подходе получают простое и наглядное объяснение [13].

Результаты исследования и их обсуждение. Принято считать, что идеалом исследования для этнографа всегда была, остаётся и будет таковой в будущем нетронутая цивилизацией глушь, где чужаков никогда не видели, а материальная и духовная культура народа практически не испытывала влияния внешних факторов. В то же время нужно заметить, что этническое самосознание в таких условиях, как правило, слабо или вообще не проявляется, поэтому вероятность возникновения конфликта на этнической почве близка к нулю. Даже сейчас в старинных деревнях вопрос об этнической принадлежности соседа, который живёт на

твоей улице, может поставить сельского жителя в тупик: уклад жизни у всех более или менее одинаков, на языке обычно говорят одним, причём это, как правило, язык этнического большинства в деревне. Так, в Республике Хакасия ещё совсем недавно в отдалённых хакасских деревнях на хакасском языке с соседями говорили и русские, и немцы, и представители других этнических групп. Аналогичным образом в русских деревнях говорили на русском, в чувашских деревнях (были и такие) – на чувашском. В этом случае язык используется, скорее, функционально, сельская жизнь предполагает периодический коллективный труд, и предпочтение отдаётся языку, доступному всем. Понятно, что в современных условиях, с унификацией школьного образования, внедрением электропроизводства и распространением электронных средств коммуникации ситуация меняется, но, как уже было сказано, вопрос этнической идентификации – это в условиях сельской местности вопрос даже не третьей степени важности.

С появлением больших сёл, рабочих посёлков, а особенно городов индустриального типа всё изменилось. Дело в том, что город изначально не предполагает однородности, городская жизнь основана на разделении труда. То есть коллективный труд в деревне – это операция, требующая совместной деятельности хорошо знающей друг друга группы людей, но при этом все они выполняют сходные операции: копают, сеют, собирают урожай, строят дом и т. п. Горожанин занимает в своей среде обитания очень узкую экологическую нишу, причём его существование неразрывно связано с существованием и деятельностью десятков, а может даже сотен сограждан, многих из которых он даже не знает. Мы вполне можем не знать имени водителя своего автобуса, пекаря, пекущего для нас хлеб, вахтёра, выдающего нам ключи от учебной аудитории, но наша жизнь в огромной степени определяется действиями этих близких, но чужих для нас людей. Более того, многие из нас не знают даже как зовут людей, которые живут в соседней квартире, где они работают и что собой представляют, хотя сталкиваются с ними в лифте ежедневно.

Вот тут мы и сталкиваемся с самым большим парадоксом скученной городской жизни: крайняя отчуждённость горожан друг от друга, их стремление закрыться от окружающих в своём маленьком космосе отдельного жилища, странным образом сочетается со стремлением каким-то образом выделиться, стать более заметным, подчеркнуть свою собственную значимость. Так, Георг Зиммель в своей работе «Большие города и духовная жизнь» отмечает: «Большой город настоящего времени живёт почти исключи-

тельно производством для рынка, т. е. для совершенно неизвестных, самым производителем никогда не виденных покупателей. Вследствие этого интересы обеих сторон становятся до беспощадности деловыми, и их рассудочный хозяйственный эгоизм не может быть смягчен действием личных отношений» [6, с. 3]. И в то же самое время он отмечает: «Это ведёт к духовной, в тесном смысле слова, индивидуализации душевных качеств, и в этом направлении влияет, соответственно своим размерам, и город. ...Когда количественное увеличение его значения и его энергии доведены до высшего предела, – тогда начинают обращаться к качественным особенностям, чтобы таким образом путём возбуждения впечатлений разницы привлечь как-нибудь на свою сторону внимание социального круга; в конце концов это приводит к умышленным чудачествам, к специфическим для большого города экстравагантностям, самообособлению, капризам, претенциозности, смысл чего заключается уже не в содержании того или другого поведения, а только в его форме: в том, чтобы быть непохожим на других, чтобы выдвинуться и тем стать заметным. Для многих это, впрочем, единственное средство, благодаря вниманию других, самому начать ценить себя и сознать, что занимаешь некоторое место» [Там же, с. 10–11].

Именно эта особенность поведения городского жителя позволяет Ирвину Гофману заявить о самопрезентации, «представлении себя другим» [3] не как о некоторой перверсии поведения, но как о способе существования современного человека. Стремление индивида стать самим собой с необходимостью приводит к тому, что он начинает думать о том, как он выглядит со стороны, к стремлению подчеркнуть собственную уникальность и значимость. Этничность идеально подходит для выбора такой роли, поскольку сочетает в себе обе стороны главного противоречия городской социальности: сильную внутреннюю дифференциацию и разобщённость людей, но в то же время взаимозависимость и необходимость в сотрудничестве.

Следует иметь в виду, что картина этнического взаимодействия претерпевает серьёзные изменения при переходе от индустриального этапа развития городов к постиндустриальному. В индустриальный период заселение городских районов мигрантами из других регионов и стран стихийным образом приводит к появлению этнических гетто, где необходимость совместного проживания представителей одной этнической группы напрямую связана с формированием этнических ниш во внутригородском разделении труда, и стремлению к обеспечению этнической солидарности в районах тесной

городской застройки [10]. Иными словами, переезжая в город, представители какой-то этнической группы селятся поближе к своим землякам, чтобы при случае обратиться к ним за помощью. Работу они также ищут в той сфере, где работают их родственники и знакомые, общаются они там на своём родном языке, что для недавних мигрантов очень удобно. Разрастаясь, диаспора постепенно вытесняет представителей других этнических групп из этой профессиональной сферы, особенно если хозяева бизнеса также принадлежат к данной национальности. Аналогичным образом происходит формирование этнических анклавов на городской территории: соседи сами покидают районы, проживание в которых становится для них дискомфортным.

Постиндустриальный город лишает большинство профессий этнического лица. Крупные промышленные предприятия в городах закрываются в связи с переносом производства в страны третьего мира. Отмирает система пожизненного найма, люди в течение своей жизни много раз меняют профессию и место проживания. Это приводит к тому, что кварталы в городах теряют свой однородный этнический состав и неповторимый экзотический облик, утилитарная городская застройка вытесняет лагуги бедняков и дворцы богачей на окраины. Сохранение традиционного этнического уклада, хозяйственных и религиозных традиций, совместное проведение праздников, этническая солидарность становятся необязательными условиями выживания вчерашнего деревенского жителя в чуждой городской среде.

Казалось бы, в таких условиях этническая идентификация для городского жителя теряет свою практическую значимость. Так, Д. В. Громов пишет: «В современном городе этничность нивелируется; этническая специфика оказывается малозначимой и теряет свою функциональность в сопоставлении с современным укладом жизни, с правилами, диктуемыми законом, экономической жизнью, массовой культурой и социальными институтами: системой образования, занятости, здравоохранения, социального обеспечения и т. д.» [5, с. 398]. Поэтому он должен стремиться поскорее стать «человеком мира», «универсальным горожанином», способным выжить в любом городе на любом континенте. Но как раз здесь мы сталкиваемся с реализацией гофмановского стремления современного человека к самопрезентации. Потеря этнической самоидентификации становится для нашего современника показателем потери важной части собственной личности, показателем того, что ты перестаёшь быть собой, указанием на собственную малозначимость, ничтожность [1; 2]. Поскольку в условиях

современной цивилизации уклад городской жизни, образование, профессиональная деятельность, домашнее хозяйство приобретают стандартизованные формы, то сфера реализации наших потребностей в этнической идентификации всё дальше уходит от этнографических оснований и всё больше приобретает характер исполнения некоторых сценариев, тоже, кстати, стандартных.

Очевидно, что проще всего поддаются ритуализации, сценической интерпретации некоторые внешние, визуальные формы. Поэтому современная этничность, как правило, начинается с обращения к национальному костюму. У кого из нас в шкафу не висит национальный костюм, который надевают на свадьбы, иные семейные мероприятия и национальные праздники? У самых сентиментальных, видимо, этот атрибут висит рядом с дембельской парадкой. Понятно, что национальный костюм – вещь дорогая и малофункциональная, поэтому и достают её редко, пару раз в год. В обыденной жизни он с успехом заменяется стилизованными элементами или аксессуарами, которые добавляют уникальные штрихи к стандартному синему костюму или офисной блузке и юбке. Опять-таки, стилизация национальной одежды – дело для дизайнера довольно опасное, необходимо с одной стороны, сделать вещь практичной, востребованной; с другой – потрафить вкусам многочисленных ревнителей традиций, избежать обвинений в пошлости и популизме [9].

Ещё один достаточно очевидный способ удовлетворения потребности современного человека в этнической самоидентификации – обращение к этническому искусству: музыке, хореографии, декоративно-прикладному творчеству. Данная ниша непосредственно примыкает к области этнической моды, поэтому многие проблемы здесь являются общими. Новые технологии оказывают на искусство ничуть не меньшее влияние, чем на моду, поэтому вопрос об аутентичности современной этнической музыки, живописи, танца, народных промыслов вековым образцам – проблема практически неразрешимая, порождающая многочисленные конфликты между модернистами и консерваторами уже внутри этнического искусства.

Если сфера моды и искусства, так или иначе, относится к визуальным проявлениям современной этничности и может быть принята и реализована простыми средствами, на уровне внешнего подражания (поэтому этот путь чаще всего и реализуется различными государственными и общественными программами), то в сфере этнического образования (включая языковое образование), обращения к традиционным формам религии, возрождения традицион-

ных форм хозяйства путь быстрых успехов вряд ли возможен. Во многом это объясняется трудоёмкостью «вхождения в роль» для актора, реализующего свои этнические потребности таким образом. Дело тут даже не столько в количестве затраченного времени и труда, сколько в том, что традиционные для этноса формы оказываются в противоречии с современным укладом и ритмом жизни. Очевидно, что программы школьного, а тем более вузовского образования не могут быть полностью реализованы на языках этнических меньшинств; что этнические религии не выдерживают конкуренции с мировыми религиями и научным скептицизмом; а традиционная экономика не может соперничать по своей эффективности с транснациональными корпорациями. Поэтому люди, в своём стремлении к утверждению собственной этнической уникальности дошедшие до освоения этих навыков, действительно чувствуют себя исключительными, достойными права судить о степени посвящённости других [7].

Особое значение в данном случае приобретает спор об аутентичности. Очевидно, что как только мы заводим речь о сценарии, возникает вопрос о некоторой бутафорской и наигранной сути этнического действия. Собственно именно это и является главным опасением сторонников консервативного понимания этничности. Представляется, что сама позиция ревнителей устоев и канонов ничуть не менее уязвима с точки зрения теории фреймов, потому что также реализует некоторый стандартный сценарий «этнического беспокойства». Вообще, «в эпоху постмодерна нет признаков исконности и аутентичности, так же, как и нет границы традиции, а поэтому [отдельный человек] не может «испортить» культуру, поскольку он тоже является её составной частью. Постмодерн не отменяет правил и канонов, а лишь ставит под сомнение их абсолютизм их мощь. ...Культура в современном понимании – это в своём роде *patchwork*, в переводе с английского – комбинирование новых и старых образов в виде лоскутного одеяла, релятивизм ценностей и значимость символов» [12, с. 407].

Получается, что границы этничности в каждом случае носят гибкий характер. В некоторых случаях они максимально широки и включают в себя всех, кто выполняет хотя бы элементарные элементы этнического сценария: имеет стремление к идентификации с этнической группой, включён в систему родственных и дружеских связей, носит этническую одежду и аксессуары, владеет языком на бытовом уровне, интересуется этническим искусством и культурой. В других этого может оказаться недостаточно, и тогда в дело вступают более изощрённые

требования аутентичности: наличие аристократической родословной, владение литературным языком, ведение традиционного хозяйства, отправление сложных культовых практик и т. д.

Собственно именно этим объясняется ситуация внутриэтнического конфликта, подобного тому, о котором говорилось в начале статьи. Если межэтнический конфликт вызывается тем, что по каким-то причинам происходит нарушение сакральных границ этнического самосознания со стороны представителей другой этнической группы, то внутриэтнический конфликт порождается неоднородностью самосознания самого этноса. Дело не в том, что внутри этноса существуют какие-то отщепенцы и предатели, эта терминология досталась нам в наследство от идеологии колониализма [8; 14; 15]. Проблема в том, что маркеры этничности в сознании разных людей имеют разную иерархию, поэтому сценарии этнического поведения могут не совпадать. В итоге вместо ожидаемого роста этнической солидарности, современные национальные движения зачастую приводят к росту внутриэтнической напряжённости и конфликтности.

Заключение. Урбанизация современного общества и связанная с ней унификация уклада нашей жизни теоретически должны были бы привести к размыванию этнических границ и потере значимости этнического самосознания в современном мире. На деле ничего подобного не происходит, этническая идентификация и самоидентификация даже в наши дни остаются одним из важнейших параметров, определяющих в глазах человека его собственную ценность и место, занимаемое им в жизни.

В основе авторского подхода лежит гипотеза, что при переходе от индустриальной общества к постиндустриальному традиционная для западной городской культуры этническая пространственная сегрегация уступает место особой «новой этничности», где этнические границы носят, скорее, ментальный характер. В этом случае внутриэтнические и межэтнические отношения могут быть рассмотрены как специфические фреймированные взаимодействия. В рамках такой модели возможно выделение некоторых базовых сценариев, в том числе и сценариев возникновения и разрешения конфликтов на межэтнической и внутриэтнической почве.

Список литературы

1. Аксютин Ю. М. Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 162–174.
2. Анжиганова Л. В., Топоева М. В. Хакасы в условиях глобализации: ментальные деформации // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 100–111. DOI: <http://doi.org/10.25178/nit.2017.3.6>.
3. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 306 с.
5. Громов Д. В. Этноювенология: всегда ли оправдана междисциплинарность? // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 397–404.
6. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3. С. 1–12.
7. Кудашкин В. А., Иванченко Е. В. Роль национальной интеллигенции в сохранении этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера и Сибири (1985–2011 гг.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 1. С. 109–113.
8. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2016. 671 с.
9. Топоева М. В. Этническая мода: теоретические аспекты исследования // Вестник Хакасского государственного университета. 2018. № 3. С. 121–124.
10. Фернандес А. И., Хогиани Ф. Б., Шершнева Ю. Городская пространственная сегрегация иностранного населения на примере Бильбао // Urban Studies and Practices. 2017. No. 1. Pp. 64–84. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp21201764-84>.
11. Хамидулин В. С. Теоретические подходы к исследованию проблем инкорпорации иммигрантов в принимающее сообщество // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2016. № 1. С. 49–60.
12. Холлер Е. В. Туризм: от коммерческой индустрии до системного объекта исследования // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 405–414.
13. Чистанов М. Н., Чистанова С. С. К проблеме выделения маркеров этничности в парадигме постурбанизма // Вестник Хакасского государственного университета. 2020. № 1. С. 109–113.
14. Anzhiganova L., Asochakova V., Topoeva M. Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification // Revista de Humanidades. 2017. Vol. 30. Pp. 141–151. DOI: <http://doi.org/10.5944/rdh.30.2017.18206>.
15. Chakrabarty Dipesh. Provincializing Europe: postcolonial thought and historical difference. Princeton: Princeton University Press, 2000. 300 p.
16. Goffman, Erving. Relations in public: microstudies of the public order. New York: Basic Books, 1971. Pp. 396 p.

Статья поступила в редакцию 12.05.2020; принята к публикации 10.06.2020

Сведения об авторе

Чистанов Марат Николаевич, доктор философских наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Кatanова; 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, 90; e-mail: maratchistanov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9002-5604>.

Библиографическое описание статьи

Чистанов М. Н. Этничность как самопрезентация: опыт применения методологии Ирвина Гоффмана к анализу этнических отношений в современной городской среде // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 75–81. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-75-81.

References

1. Aksyutin, Yu. M. Transformation of personal identity structure in the regions of post-Soviet Russia and its impact on interethnic relations: the cases of the republics of Tuva, Khakassia and Altai. The new research of Tuva, no. 2, pp. 162–174, 2016. (In Rus.)
2. Anzhiganova, L. V., Topoeva, M. V. Khakassians under the conditions of globalization: mental deformations. The New Research of Tuva, no. 3, pp. 100–111, 2017. DOI: <http://doi.org/10.25178/nit.2017.3.6>. (In Rus.)
3. Goffman, Erving. Frame analysis: An essay on the organization of experience. M: ISRAS, 2004. (In Rus.)
4. Goffman, Erving. The Presentation of Self in Everyday Life. Moscow: Canon Press, 2000. (In Rus.)
5. Gromov, D. V. Ethnic youth studies: Is Interdisciplinary Always Justified? Interdisciplinarity phenomenon in Russian Ethnology. M: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 2016: 397–404. (In Rus.)
6. Simmel, Georg. The Metropolis and Mental Life. Logos, no. 3, pp. 1–12, 2002. (In Rus.)
7. Kudashkin, V. A., Ivanchenko, E. V. Role of national intelligentsia in preserving the ethnic identity among small indigenous peoples of the Russian North and Siberia in 1985–2011. Economic Development of Siberia, no. 1, pp. 109–113, 2016. (In Rus.)
8. Said, Ed. W. Orientalism. Saint Petersburg: Russian world, 2016. (In Rus.)
9. Topoeva, M. V. Ethnical Fashion: Theoretical Aspects of Research. Vestnik of the Khakass State University, no. 25, pp. 121–124, 2018. (In Rus.)
10. Fernández, Iraide Aragón; Khogyani, Farid Bassina; Shershneva, Julia. Residential Segregation of the Foreign Population: the Case of Bilbao. Urban Studies and Practices, no. 1, pp. 64–84, 2017. <https://doi.org/10.17323/usp21201764-84>. (In Rus.)
11. Khamidulin, V. S., Theoretical perspectives in immigrant incorporation research. Humanities Research in the Russian Far East, no. 1, pp. 49–60, 2016. (In Rus.)
12. Holler, E. V. Tourism: from commercial industry to systems research facility. In: Interdisciplinarity phenomenon in Russian Ethnology. M: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 2016: 405–414. (In Rus.)
13. Chistanov, M. N., Chistanova, S. S. About Problem of Extracting ethnicity markers in the Posturbanism Paradigm. Vestnik of the Khakass State University, no. 1, pp. 109–113, 2020. (In Rus.)
14. Anzhiganova, L., Asochakova, V., Topoeva, M. Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification. Revista de Humanidades, vol. 30, pp. 141–151, 2017. DOI: <http://doi.org/10.5944/rdh.30.2017.18206>. (In Engl.)
15. Chakrabarty, D. Provincializing Europe: postcolonial thought and historical difference. Princeton: Princeton University Press, 2000. (In Engl.)
16. Goffman, Erving. Relations in public: microstudies of the public order. New York: Basic Books, 1971. (In Engl.)

Received: May 12, 2020; accepted for publication June 10, 2020

Information about author

Chistanov Marat N., Doctor of Philosophy, Associate Professor; N. F. Katanov Khakass State University; 90 Lenina st., Abakan, Russia, 655017; e-mail: maratchistanov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9002-5604>.

Reference to the article

Чистанов М. Н. Этничность как Само-Презентация: Опыт Применения Методологии Ирвина Гоффмана к Анализу Этнических Отношений в Современной Городской Среде // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 75–81. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-75-81.